

После
падения

*Посвящается J за такую любовь ко мне,
о которой большинство людей
могут только мечтать.*

*А также Хардинам всего мира,
история которых достойна рассказа.*

Пролог

ТЕССА

Я вглядываюсь в знакомые черты бродяги, и меня переполняют воспоминания. Блондинка Барби... Я всегда так хотела быть такой, как она: она совершенство. Очаровательная, ухоженная и всегда такая, какой ей и положено быть. Ее родители, наверное, очень важные, думала я. Ее отец, где бы он ни находился, был, вероятно, главным генеральным директором, колесившим по миру, чтобы обеспечивать семью, пока ее мать занималась домом.

Отец Барби, возвращаясь домой, не шатался и не орал. Он никогда не стал бы скандалить с матерью, так что Барби не приходилось бы прятаться в теплице от шума и бьющейся посуды. И если иногда, случайно, между родителями возникали небольшие, легко разрешимые недоразумения, у Барби всегда был Кен, ее идеальный светловолосый бойфренд, который всегда составит ей компанию... даже в теплице.

Барби идеальна, поэтому у нее идеальная жизнь и идеальные родители.

Мой отец, бросивший меня девять лет назад, стоит сейчас передо мной, грязный и изможденный. Он совсем не похож на себя, ничего общего с тем, что я помню. На его лице появляется улыбка, но в моей памяти всплывает другое.

Той ночью, когда отец ушел, лицо матери превратилось в камень.

Она не плакала. Она просто стояла и ждала, когда он уйдет. В ту ночь она изменилась; она больше не была любящей матерью. Она стала суровой, далекой и несчастной.

Но осталась со мной после того, как он решил не возвращаться.

Глава 1

ТЕССА

— Папа? — Человек передо мной не может быть моим отцом, несмотря на знакомые карие глаза, которые смотрят на меня.

— Тесси? — Его голос грубее, чем в моих далеких воспоминаниях.

Хардин с горящими глазами поворачивается ко мне, а затем снова смотрит на этого человека.

Мой отец. Здесь, в этом ужасном районе, в грязной на спине куртке.

— Тесси? Это действительно ты? — спрашивает он.

У меня шок. Я не знаю, что сказать этому пьяному мужчине с лицом моего отца.

Хардин кладет мне руки на плечо, пытаюсь отвлечь:

— Тесса...

Я делаю шаг в сторону бродяги, и он улыбается. В его бороде много седины; его улыбка не такая белоснежная, как мне помнится... Как он до этого докатился? Я всегда считала, почти верила, что в конце концов отец изменит свою жизнь. Сейчас надежды исчезли, и осознание, что этот человек — мой отец, больше, чем я ожидала.

— Это я, — произносит кто-то, и через некоторое время я понимаю, что это мои слова.

Он преодолевает оставшееся пространство между нами и обнимает меня.

— Не могу в это поверить! Ты здесь! Я пытался...

Хардин отталкивает его от меня. Я отступаю назад, не зная, как себя вести.

Бродяга — мой отец — тревожно и недоверчиво смотрит на Хардина и на меня. Но вскоре он вновь принимает беззаботный вид и держит дистанцию, чему я очень рада.

— Несколько месяцев я пытался тебя найти, — говорит он, проводя рукой по лбу и оставляя на коже грязные разводы.

Хардин стоит передо мной, готовый к прыжку.

— Я была здесь, — спокойно говорю я, глядя из-за его плеча.

Я благодарна Хардину за защиту, и я понимаю, что он, должно быть, окончательно запутался.

Отец переключает внимание на него и некоторое время разглядывает.

— Ого! Ной сильно изменился.

— Это Хардин, — сообщаю я.

Отец переминается с ноги на ногу и когда наконец решается подойти ко мне поближе, я вижу, как Хардин напрягается. Отец рядом, и я чувствую, как от него пахнет.

В его дыхании чувствуется то ли виски, то ли какая-то дикая смесь, он пьян, раз так перепутал; Хардин и Ной — полные противоположности, их просто нельзя сравнить. Отец тянется обнять меня; Хардин косится на меня, но я слегка качаю головой, чтобы он не вмешивался.

— Кто он такой?

Мой отец обнимает меня слишком долго, а Хардин просто стоит рядом. Я вижу, что он скоро взорвется, необязательно от гнева, и понимаю, он просто не имеет ни малейшего представления о том, что говорить или делать.

Это сделает один из нас.

— Он мой... Хардин — мой...

— Бойфренд. Я ее бойфренд, — заканчивает он мою незавершенную мысль.

Карие глаза отца расширяются, и он наконец-то поворачивается к Хардину.

— Приятно познакомиться с тобой, Хардин. Я Ричард. — Он протягивает свою грязную руку для рукопожатия.

— Хм. Да, взаимно, — нерешительно отвечает Хардин.

— Что вы здесь делаете?

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы отойти и встать рядом с Хардином, который снова замолкает и прижимает меня к себе.

— Хардин хотел сделать татуировку, — машинально отвечаю я. Мой разум просто не в состоянии понять все, что сейчас происходит.

— А, круто. Мне здесь тоже набивали.

Всплывают воспоминания о том, как отец каждое утро пил кофе перед работой. Он никогда не рассказывал ни о чем таком, и я даже не уверена, что, когда я его знала, у него была татуировка. Когда была его маленькой девочкой.

— Да, работа моего друга Тома.

Он задирает рукав куртки и показывает на предплечье нечто, напоминающее череп. Это совсем на него не похоже, но чем дальше, тем больше мне кажется, что тату была и раньше.

— Ого... — Это все, что я могу сказать.

Это так ужасно. Этот мужчина — мой отец, который бросил нас с матерью в одиночестве. И он сейчас стоит здесь, передо мной... пьяный. Не знаю, что и думать.

Я взволнована, совсем немного, потому что не хочу признавать его в этот момент. Конечно, я тайно надеялась увидеть отца снова, после того как мама обмолвилась, что он вернулся в город. Я знаю, что это очень глупо, но сейчас он кажется мне лучше, чем раньше. Да, он пьян и, возможно, бездомный, но я его так мало знала, еще меньше, чем понимала. Может, у него сейчас просто тяжелый период в жизни? Кто я такая, чтобы судить этого человека, ничего о нем не зная?

Смотрю на него и на улицу вокруг; так странно, вокруг все как обычно. Могу поклясться, время остановилось, когда мой отец на нас наткнулся.

— Где ты живешь? — спрашиваю я.

Хардин не сводит с него настороженного взгляда, наблюдает, как за опасным хищником.

— Я сейчас временно без жилья. — Он вытирает лоб рукавом.

— А.

— Я работал до конца на Raymark, но меня уволили, — говорит он.

Я смутно припоминаю, что слышала название Raymark раньше. Кажется, это какая-то фирма. Так он работал на заводе?

— Чем ты занимаешься? Прошло ведь... пять лет?

Чувствую, что Хардин напряженно застыл рядом, и говорю:

— Нет, девять.

— Девять лет? Мне очень жаль, Тесса, — невнятно бормочет он.

Это прозвище пробуждает воспоминания — так отец называл меня раньше, в момент, когда он снимал меня со своих плеч и мы проходили через наш небольшой двор. Но все прошло. Я не знаю, что делать. Я хочу плакать, потому что не видела отца так давно, хочу смеяться над странностью нашей встречи, хочу плакать из-за того, что он оставил меня. Я окончательно запуталась. Я помню его пьяным, но тогда он был злой, не улыбался и, конечно, не показывал татуировку и не пожимал руку моему парню. Может быть, он изменился в лучшую сторону.

— Я думаю, нам пора идти, — заявляет Хардин, глядя на отца.

— Мне очень жаль, но я не виноват. Твоя мать... ты знаешь, какая она. — Он пытается защититься, размахивая руками перед собой. — Пожалуйста, Тереза, дай мне шанс, — просит он.

— Тесса... — предупреждающе цедит Хардин рядом со мной.

— Мы на пару минут, — говорю я отцу. Затем хватаю Хардина за руку и отвожу его на несколько метров в сторону.

— Что, черт возьми, ты делаешь?! Ты ведь на самом деле не собираешься... — начинает он.

— Он мой отец, Хардин.

— Он пьяный бродяга. — Он плюет с досады.

Слезы наворачиваются от правдивых, но резких слов Хардина.

— Я не видела его девять лет.

— Именно, потому что он тебя бросил. Это пустая трата времени, Тесса. — Он смотрит из-за моей спины на отца.

— Мне все равно. Я хочу понять его.

— Знаю, я сказал то, что думаю. Надеюсь, ты не пригласишь его в квартиру или куда-нибудь еще. — Он качает головой.

— Если захочу, то позову. И если он захочет прийти, то придет снова. Это и моя квартира, — говорю я резко.

Смотрю на отца. Он стоит, одетый в грязное, и уставившись в землю перед собой. Когда он в последний раз спал в постели? Ел нормально? От этой мысли ноет сердце.

— Ты же не всерьез думаешь привести его к нам? — Пальцы Хардина скользят по волосам в привычном жесте отчаяния.

— Не жить, только на сегодня. Мы могли бы приготовить ужин, — предлагаю я.

Отец бросает взгляд на меня. Я смотрю в его сторону и вижу, как он начинает улыбаться.

— Ужин?! Тесса, он чертовски пьян! Вы не виделись почти десять лет... и ты говоришь об ужине?

Растерявшись от вспышки его гнева, тяну Хардина за шиворот поближе к себе и тихо говорю:

— Он мой *отец*, Хардин, и я больше не общаюсь с мамой.

— Это вовсе не означает, что ты должна общаться с этим уродом. Это плохо кончится, Тесс. Ты слишком хороша для всех, когда они этого не заслуживают.

— Это важно для меня, — говорю я, и взгляд смягчается: он понимает, что я настроена серьезно.

Он вздыхает и в отчаянии дергает себя за торчащие волосы.

— Черт возьми, Тесса, ничем хорошим это не закончится!

— Ты не можешь знать, чем это закончится, Хардин, — шепчу я и смотрю на отца, который перебирает пальцами бороду.

Я знаю, что Хардин может оказаться прав, но я обязана это сделать ради себя, должна попытаться понять этого человека или, по крайней мере, услышать, что он скажет.

Возвращаясь к отцу, инстинктивно чего-то опасаясь, отчего голос немного дрожит.

— Ты хочешь поехать к нам на ужин?

— В самом деле? — восклицает он, и по его лицу скользит тень надежды.

— Да.

— О'кей! Да, поеду! — Он улыбается, и на мгновение мне кажется, что я вижу его настоящего — не пьяного.

Пока мы все идем к машине, Хардин не говорит ни слова. Я знаю, что он сердится, и понимаю почему. Но знаю и что жизнь его отца изменилась к лучшему — он руководит нашим колледжем, он очень добр к ближним. Это ужасно глупо — надеяться на такие же изменения у своего отца?

Когда мы подходим к машине, отец спрашивает:

— Вау! Это твое? Это Carri, не так ли? Модель конца семидесятых?

— Да. — Хардин садится на сиденье водителя.

Мой отец не спрашивает больше Хардина, и я очень рада этому. Радио приглушено до минимума, и как только смолкает рев двигателя, мы оба тянемся к переключателю в надежде, что музыка сможет заглушить неприятное молчание.

Всю дорогу я думаю о том, как мать желала бы оказаться на моем месте. От такой мысли меня бьет озноб, поэтому переключаюсь на предстоящую поездку в Сиэтл.

Нет, это еще хуже, я не знаю, как поговорить об этом с Хардином. Закрываю глаза и прислоняюсь к окну. Теплая рука Хардина охватывает мою, и я успокаиваюсь.

— Фух. И давно вы здесь живете? — зевает на заднем сиденье отец, когда мы останавливаемся у нашего дома.

Хардин кидает на меня еле уловимый взгляд, и я отвечаю:

— Да, переехали сюда несколько месяцев назад.

Пока мы поднимаемся в лифте, я чувствую, как суровый взгляд Хардина обжигает мои щеки. Улыбаюсь, на-

деясь смягчить гнев. Нужно действовать, но находиться рядом с этим незнакомцем очень неловко, отчего я начинаю жалеть о том, что пригласила отца. Хотя уже слишком поздно.

Хардин открывает нашу дверь, заходит в квартиру и, не оборачиваясь, без лишних слов удаляется в спальню.

— Я сейчас вернусь, — сообщаю я отцу и поворачиваюсь, чтобы оставить его стоять в прихожей.

— Вы не против, если я воспользуюсь вашей ванной? — спрашивает он у меня.

— Конечно, нет. Она дальше по коридору. — Я, не глядя, указываю на дверь ванной.

В другой комнате Хардин переобувается, сидя на кровати. Оглянувшись на дверь, он делает мне знак закрыть.

— Я знаю, что ты мной недоволен, — спокойно замечаю я, подходя к нему.

— Я...

Я ловлю руками его лицо, мои пальцы пробегают по его щекам.

— Не бойся.

Его глаза закрываются в знак признательности к моим нежным прикосновениям, и я чувствую, что его руки обхватывают меня вокруг талии.

— Он собирается сделать тебе больно. Я всего лишь пытался не допустить этого.

— Как он может причинить мне боль сильнее, чем уже сделал? Я столько лет его не видела.

— Он, наверное, сейчас распихивает наше барахло по своим гребаным карманам, — фыркает Хардин, и я прыскаю от смеха. — Это не смешно, Тесса!

Я вздыхаю и поворачиваю его лицо к себе.

— Может, ты попробуешь посмотреть на все это более позитивно? Вокруг и так достаточно обид и напряжения.

— Я не обижаюсь. Я пытаюсь тебя защитить.

— Не нужно — он мой отец.

— Он тебе не отец.

— Хардин, пожалуйста! — Я провожу большим пальцем по его губам, и лицо смягчается.

Он снова вздыхает и наконец произносит:

— Ладно, давай с этим чуваком поужинаем хотя бы. Черт знает, как давно он питался не из мусорного бака.

Я перестаю улыбаться, и губы невольно начинают дрожать. Он замечает это.

— Прости, не надо плакать, — вздыхает он.

Хардин не переставая вздыхает с тех пор, как мы столкнулись с моим отцом возле тату-салона. Видя его беспокойство, — даже если оно, как и все его эмоции, сопряжено с гневом, — я только убеждаюсь в сюрреальности происходящего.

— Я высказал свое мнение, но постараюсь не сильно напрягаться. — Он поднимается на ноги и целует меня в уголок рта. Когда мы выходим из спальни, он бормочет: — Начнем кормить бездомных, что не сильно повышает мне настроение.

Мужчина, разглядывающий полки с книгами в нашей гостиной, выглядит совершенно неуместно.

— Я собираюсь приготовить ужин. Хочешь посмотреть телевизор? — предлагаю я.

— Хочешь, я помогу? — спрашивает он.

— Хм, ладно. — Я слегка улыбаюсь ему, и он отправляется за мной на кухню.

Хардин остается в гостиной, продолжая держаться отстраненно, как я и предполагала.

— Не могу поверить, что ты уже так выросла и живешь отдельно, — говорит отец.

Я тянусь в холодильник за помидорами, пытаюсь собраться с мыслями.

— Я учусь в колледже, в Центральном вашингтонском университете¹. Вместе с Хардином, — отвечаю я, по вполне понятным причинам умолчав о грозящем отчислении.

— Правда? Ничего себе.

Он садится за стол, и я замечаю, что грязь с его рук исчезла. Разводов на лбу тоже нет, а мокрый рукав наводит меня на мысль, что даже пытался застирать пятно.

¹ Центральный вашингтонский университет (Central Washington University, CWU) расположен в Элленсбурге, в центре штата Вашингтон, благодаря чему и получил свое название.